

ОБРАЗ ЗАЙЦА В МИРОВОЗЗРЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИИРТЫШЬЯ И ПРИОБЬЯ В I–II ТЫС. Н.Э.

Выявлены в опубликованной литературе изображения зайцев в художественной металлопластике. Проанализирован состав инвентаря погребений, из которых происходит большинство изображений, святылищ и предпринята попытка объяснить их назначения. Дано их описание, отмечены характерные черты в художественном оформлении предметов.

Ключевые слова: археология; художественная металлопластика; погребения; святылища; клады.

Мировоззрение/миропонимание населения Западной Сибири было тесно связано с окружающим миром. В его основе были вертикальная и горизонтальная модели мира. Особенно ярко оно было выражено в эпоху раннего железа как в лесостепной и степной зонах среди населения скифо-сибирского мира, так и в таежной и предтаежной зонах у населения кулайской общности, что нашло отражение в художественной металлопластике. То же самое наблюдается в эпоху Средневековья, но с применением нового художественного стиля.

Особым почитанием человека наделялись медведь, лось, бобр (литература очень обширна, вряд ли есть необходимость приводить ссылки на нее). Материальным воплощением отношения человека к животным были их фигурки, выполненные как в одном образе, так и в различных сочетаниях образов (см. например: [1–6]).

Наряду с названными животными встречаются и изображения зайцев, но в значительно меньшем количестве. Цель данной статьи – выявить по опубликованной литературе изображения зайцев второй половины I – начале II тыс. в художественной металлопластике на территории лесостепной и лесной зон Западной Сибири, проанализировать состав инвентаря из погребений и кладов и попытаться объяснить назначения изображений с зайцами.

Источниковой базой для данной статьи являются опубликованные предметы с изображением зайцев¹. Дадим их описание.

1. Бронзовая полая фигурка сидящего зайца происходит из погребения № 25 могильника у Архиерейской Заимки (окрестности г. Томска). 36 насыпей этого могильника были раскопаны библиотекарем научной библиотеки Императорского Томского университета в 1896 г. Часть коллекции, в том числе и фигурка зайца, неоднократно опубликованы [1. Рис. 79–15; 4. Табл. С–28; 7; 8. № 2029; 9; 10. Рис. 21–22].

Опишем фигурку зайца. Он совершенно узнаваем: голова овальной формы, глаза круглые, выпуклые, обведены мягким желобком; уши длинные, внутри ушей тоже желобок, рот полуоткрыт; туловище поджарое, овальной формы, заканчивается коротким хвостом. Передние лапы шире и короче задних, на них три коротких желобка; задние согнуты, на них четыре желобка. На шее зайца ожерелье из выпуклых квадратов, что характерно для художественного стиля раннего Средневековья. Размеры: высота фигурки

6,5 см, ширина от 4 см (у основания лап) до 4,7 см (по линии рот–уши). Поза выражает настороженность, он как будто присел после бега, о чем свидетельствуют полураскрытый рот и передние лапы, чуть опирающиеся на землю.

2. Подвеска из могилы 8 кургана 6 могильника Рёлка. Она одностороннего литья, округлой формы, выгнута во внешнюю сторону, обрамлена одним рядом перевитой веревочки. В центре подвески (часть отломлена) изображена голова зайца, уши сложены, немного заходят одно на другое. Глаза и ноздри показаны кружочками. На обороте имеются две петельки [4. Табл. ХСVIII–22; 6. Рис. 35–20].

3. Две фигурки зайцев одностороннего литья сохранились в коллекции Парабельского культового места (Томская область). Одна из них утеряна. Исследователи неоднократно обращались к этой коллекции как в целом, так и к отдельным предметам [11. С. 327–331].

Судя по рисунку в описи коллекции, фигурки зайцев одинаковы. Опишем сохранившуюся фигурку. Бронзовое изображение скачущего зайца. Литье плоское одностороннее. Заяц передан в движении с вытянутой мордой и откинутыми назад ушами (частично не сохранившимися). Глаза переданы в виде выпуклостей, обведены желобком. Передние ноги выброшены вперед, видны три пальца, задние отбиты. Вдоль туловища нанесен орнамент в виде желобка, в котором нанесены косые поперечные выпуклости. На обороте, на уровне передних ног есть петелька. Размеры фигурки 7,3 × 4,3 см (рис. 1).

4. В кургане № 17 могильника Кип III (лесное Прииртышье) найден бронзовый ковш [12. С. 108]. Боковая поверхность ковша валиками горизонтально разделена на два фриза. На каждом из них дано по две сцены. Они разделены между собой знаком «дерево». На сцене, развернутой влево, верхнего фриза изображен мул с поклажей и погонщик. В правой части композиции представлена охота: за зайцем гонятся две собаки, за ними бегут два человека. На нижнем фризе тоже дана охота: в левой части пеший охотник сражается с диким «вепрем», в правой – на конного охотника нападает лев и охотник, развернувшись, стреляет в него. Вся композиция развернута справа налево. На дне ковша изображен бык с развернутой на зрителя головой. Передние ноги показаны в шаге, задние – приостановились. Еще одно изображение дано на ручке ковша: орел держит в когтях зайца [12. С. 106–117].

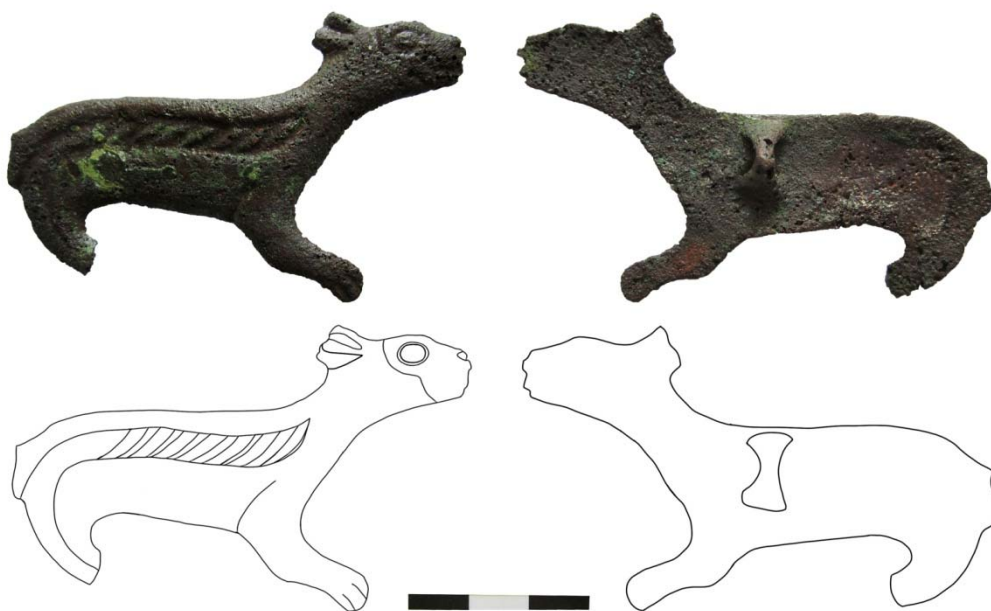

Рис. 1. Парабельское культовое место. Томский областной краеведческий музей, коллекция 298/57

5. Два предмета с зайцами известны из могильника Иванов Мыс 1. Фигурка скачущего зайца в кольце [3. Рис. 249–7]. Голова зайца немного опущена, рот открыт, глаз – кружок, уши приподняты. Из рта зайца отходит небольшой тяж, соединяющий фигурку с кольцом. Спина выгнута, показан маленький хвост, лапы присогнуты и опираются на кольцо. По спине проходит одна полоска, украшенная перлами, на шее – две полоски, обозначающие складки, на задней части бедра – кружок.

Другая фигурка происходит из этого же могильника из кургана 10, погребения 2. Фигурка присевшего зайца, под ногами – полоска, соединяющая с мордой зайца, рот приоткрыт, глаз – кружок, уши закинута на спину и соединены с ней небольшим тяжем. На ушах три вдавленные лунки. Поперек туловища у передних лап проходит полоска, орнаментированная выпуклинами [3. Рис. 249–15].

6. Среди находок, происходящих из сборов могильника у с. Ново-Никольское (Омская область), есть фигурка зайца, сохранившаяся не полностью [5. Табл. XXXVII–1]. Похожа на фигурку из могильника Иванов Мыс 1, кургана 10, погребения 2. Заяц присевший. Уши и туловище украшены так же, как у описанной выше фигурки.

7. Осмелюсь высказать предположение относительно двух фигурок из Барсова Городка из раскопок Ф. Мартина, опубликованных Т.Й. Арне. Одна из них происходит из погребения 21 [13. Fig. 58a]. В публикации [14. Рис. 24] это изображение определено как «полая подвеска из белой бронзы в форме грызуна, внутри которой сохранились остатки кожи [14. С. 89]. Однако уши у этой подвески явно заячьи. Морда опущена, глаз обведен желобком, в центре выпуклый. В области передних и задних лап по туловищу прохо-

дят желобки с «жемчужинами». Фигурка полого литья, заяц изображен лежащим.

Второе изображение происходит из погребения 20 [14. Рис. 19]. Эта фигурка определена как «горный козел» [14. С. 88] или «каменный козел» [14. С. 88, 91]. Это втулка с фигуркой зайца (?) полого литья. Заяц подвешенный: спина выгнута, лапы сведены в одну точку и входят в продолжение трубки. Морда фигурки с прорисовкой двух губ (как бы рот приоткрыт) – типично заячья черта в их изображении. Глаз обведен желобком, в центре выпуклый. Сомнение (заяц или козел) вызывают уши или рог. По спине и в области передних лап отлиты два желобка, заполненные выпуклинами.

Подобная фигурка с частью втулки найдена среди предметов, происходящих из могильника Утья 1 [15. С. 177, ил. 4–3].

Пряжка из погребения 31 Барсова Городка [13. Fig. 86]. Пряжка сохранилась не полностью: часть приемника отломлена. Щиток целый. Соединение шарнирное. Опишем щиток: голова медведя в жертвенной позе обращена к приемнику. За головой медведя изображены два зайца, обращенные мордами к голове медведя и спинами друг к другу. Зайцы присевшие, морды приподняты, глаза обведены желобком, в центре – выпуклины. По туловищу зайцев проходит жемчужный кант. Рамка щитка украшена лентой из квадратов и прямоугольников. На приемнике в центре изображение головы животного, по краям – голова зайца (вторая часть щитка обломлена). Эта пряжка похожа на пряжку, найденную у юрт Кинтусовских [5. Табл. XXXII–2].

8. Два предмета происходят из Ликинского могильника. Из погребения 12 этого могильника известна бронзовая пряжка, на щитке которой изоб-

ражена голова быка, за ней, справа и слева две фигурки зайцев, обращенные спинами друг к другу и опирающиеся лапами на рамку щитка, которая по продольным сторонам украшена одним рядом перевитой веревочки. Зайцы изображены в растянутой позе, с прижатыми к спине ушами, глаза – кружки, рты приоткрыты. По спинам выполнен кант из перевитой веревочки, ею же голова быка отделена от фигурок зайцев. Приемник не орнаментирован [16. Табл. XIII–10].

Второй предмет из этого могильника – фигурка зайца из погребения 13 [16. Табл. XI–10]. Она похожа на фигурку из могильника Иванов Мыс 1. У фигурки из Ликинского могильника украшение из перевитой веревочки проходит поперек фигурки перед бедром задних лап.

9. Две пряжки найдены в Сайгатинском I могильнике. Их описание приведено в «Каталоге» [2. Кат. № 86]. «Пряжка с изображением медведя. Бронза. Литье, 5,6 × 12 см. Сайгатинский I могильник. Западная Сибирь X–XI вв. Пряжка с подвижным приемником, соединенным со щитком железными шарнирами. Отлита в односторонней форме, наружная поверхность полирована. Приемник оформлен в виде головы совы. На щитке голова и лапы медведя в “жертвенной” позе и две фигурки ушастых зверьков (зйцев?). Вдоль одной из длинных сторон пряжки полукруглые петли (4 на щитке и 1 на приемнике)» [2. С. 136]. Эта пряжка найдена в погребении 72. В настоящее время дата погребений № 72 и № 73 Сайгатинского могильника пересмотрена. А.П. Зыков считает их самыми ранними в этом могильнике и датирует их концом IX – началом X в. [17. Рис. 48–4].

Вторая пряжка, обозначенная в «Каталоге» под № 88, также с изображением медведя. «Бронза, литье, 4,9 × 9,8 см. Сайгатинский I могильник. Пряжка с неподвижным приемником отлита в односторонней форме. Западная Сибирь X–XI вв. Наружная сторона отполирована. Щиток слегка согнут вдоль длинной оси. Приемник гладкий. На щитке, обведенном псевдовитым кантом, – голова медведя и два ушастых зверька» [2. С. 136]. Ушастые зверьки похожи на зайцев.

10. Пряжка с головой медведя и двумя зайцами на щитке и головами зайцев на рамке. Найдена у юрт Кинтусовых [5. Табл. XXXII–2]. Голова медведя в жертвенной позе – покоится между лап. От центра головы медведя к центру рамки щитка проходит стерженек из перевитой веревочки, разделяющий фигурки зайцев, обращенных к нему спиной. Голову медведя от морд зайцев отделяет небольшая перегородка, идущая от каждого уха медведя и опирающаяся на края щитка. Зайцы скачущие, морды приподняты, рот приоткрыт, глаза обведены кружком, уши длинные, приостренные. Зайцы украшены линиями выпуклых прямоугольников на шеях и перед бедром задних лап.

Выявленные фигурки зайцев делятся на объемные и плоские, преобладают последние (табл. 1). Они выполнены в разных позах: сидящий (Архиерейская Заимка), скачущий (Парабельский клад, мог. Кип III, к. 17, п. 1, Барсов Городок), присевший (мог. Иванов Мыс 1–2 экз, мог. у с. Ново-Никольское, Ликинский мог.), повисший (Барсов Городок п. 21, Кип III, к. 17, п. 1), растянутый (Сайгатинский мог., 2 экз.). Позы часто определялись формой предмета.

Таблица 1

Предметы с изображением зайцев из памятников Западной Сибири

№ п/п	Памятники	Предметы					Поза					Образ		Публикации
		Отдельная фигурка	Подвеска	Пряжка	Навершие кресало	Ковш	Подвешенный	Скачущий	Присевший	Растянутый	Головка	Сидящий	Одиночный	
1	Архиерейская Заимка, п. 25	1									1	1		ОАК, 1898; Кузнецов, 1899; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 9–15; Могильников, 1987, табл. С. 28; Чиндина, 1991, рис. 21–22
2	Могильник Рёлка, к. 6 м 8	1	1							1		1		Чиндина, 1977, рис. 35–20; Могильников, 1987, табл. XCVIII–22
3	Парабельский клад	2	2					2				2		Гребнева, 2017, колл. № 198
4	Кип III, к. 17, п. 1					1	1	1					1	Коников, 1990, с. 109–110
5	Иванов Мыс 1, к. 10, п. 2	1	1					1				1		Коников, 2007, рис. 249–15
6	Иванов Мыс 1, к. 10, п. 2	Заяц в кольце						1				1		Коников, 2007, рис. 263
7	Могильник у с. Ново-Никольское				1			1				1		Чернецов, 1957, табл. XXXVII–1
8	Сайгатинский I мог. п. 72			1					1				1	Зыков, Кокшаров и др., 1994, № 88; Зыков, 2012, рис. 48–4
9	Сайгатинский I мог			1					1				1	Зыков, Кокшаров и др., 1994, № 86
10	Ликийский могильник п. 12			1				1					1	Викторова, 1973, табл. XIII–10; Могильников, 1987, табл. LXXI–37

11	Ликийский могильник п. 13	1						1				1		Викторова, 1973, табл. XI–10
12	Могильник Барсов Городок, п. 20		1				1					1		Арне, 2002, рис. 19
13	Могильник Барсов Городок, п. 21	1						1				1		Arne, 1935, Fig. 58a
14	Могильник Барсов Городок, п. 31							2					1	Arne, 1935, Fig. 86
15	Сборы у юрт Кинту- совских (могильник)													Чернецов, 1957, табл. XXXVII–2

Все перечисленные фигурки, кроме одной из могильника Рёлка, даны в профильном изображении, головой либо вправо, либо влево. Изображения зайцев отлиты как в виде отдельных фигурок, так и в сочетании с другими образами, чаще всего с медведем (табл. 1). Одно изображение зайца присутствует на верхнем фризе импортного ковша в сцене охоты. Кроме зайца, из животных изображены две собаки. На нижнем фризе показана тоже сцена охоты, но, как замечает Б.А. Конилов, в другой природной среде: пеший охотник сражается с вепрем, а конный, развернувшись, целится в догоняющего его льва [12. С. 110, 111]. Еще одна фигурка зайца, повисшего в когтях орла, дана на ручке ковша.

Из Сургутского и Нижнего Приобья происходит несколько пряжек хорошей работы, на которых наряду с изображением зайцев присутствуют изображения медведя, лося, совы, редко головы быка. Это характерные сюжеты для раннего и частично развитого Средневековья.

Часто зайцы изображены на подвесках в виде одной фигуры (табл. 1). Для плоских подвесок литье, как правило, одностороннее. На оборотной стороне имеется либо по одной петельке, либо по две. Несколько подвесок выполнено в виде объемных фигурок.

В оформлении предметов с зайцами или отдельными фигурками применяются такие художественные приемы, как витые и жемчужные канты, полировка поверхностей [10. С. 62], перлы. Эти приемы появляются в самом конце кулайского времени, четко прослеживаются в раннем Средневековье, определяя его стиль. К его концу постепенно исчезают, редко встречаются еще в начале II тыс. н.э.

Приведенные в таблице предметы с образом зайца в большинстве происходят из погребений, меньшая часть из кладов или случайных находок. Рассмотрим погребения, в которых найдены фигурки зайцев, по погребальному обряду и наличию инвентаря и состав Парabelьского клада.

1. Фигурка зайца из погребения 25 могильника из Архиерейской Заимки близ г. Томска. В погребении найдены бронзовые подвески овальной формы с боковыми выступами (6 экз.), одна из них с коротким, другая с длинными ступенчатыми стержнями, еще одна в виде гладкого стержня с каплевидным окончанием и отверстием сверху. Отмечено, что большинство подвесок висело на тонком ремешке, в одной сохранились следы шелковой нити, в другой – шелковой ленты. Кроме указанных предметов – одна бронзовая бусина. Уникальной находкой является часть кожаного пояса (три фрагмента) с бронзовыми тройчатками [1. С. 41, рис. 79–6–16].

2. Бронзовая бляшка-подвеска из могилы 8, кургана 6 могильника Рёлка найдена вместе с целым сосудом и обломками еще от двух сосудов [6. С. 19].

3. Два изображения зайцев на ковше из погребения 1, кургана 17, могильника Кип III. Дно могилы было застелено кожей и шерстяной материей. Захоронен подросток (?). В изголовье поставлен из серебряной бронзы импортный ковш, украшенный по внешней стороне двумя фризами со сценами охоты и изображением шагающего быка на его дне. Все сцены очень ярко описаны Б.А. Кониловым [12. С. 110–113], мы не будем повторять. «Погребальную одежду украшало множество бронзовых подвесок и бубенчиков. Талию перехватывал кожаный пояс с бронзовыми сердцевидными бляшками и крупными наконечниками ремня. К одежде кожаными ремешками крепились фигурки животных и двух птиц» [12. С. 109]. Кроме того, найден железный нож и глиняный сосуд в ногах.

4. Фигурка зайца из погребения 2, кургана 10, могильника Иванов Мыс 1 найдена в захоронении подростка. С ним найдены железные наконечники стрел, кольчатые удила, цепочка из бронзовых колец и берестяной сосуд [3. С. 73–74].

5. Фигурка зайца на навершии кресала из могильника у с. Ново-Никольское. К сожалению, известны только сборы из этого могильника [18. № 194]. В.Н. Чернецов опубликовал некоторые находки из этого могильника. Среди предметов кроме фигурки зайца есть фигурка лошади, почти идентичная фигурке из погребения 20 Барсова Городка [5. С. 215].

6. Вместе с фигуркой зайца в погребении 21 Барсова Городка найдены железный нож, две пряжки с зооморфными изображениями, керамический сосуд [13. С. 27–28; Fig. 56–59].

7. Фигурка зайца в трубчатой подвеске происходит из могилы 20 Барсова Городка [13. Fig. 52]. В этой же могиле были серебряная чаша с бронзовым ушком и опоясывающей ее куфической надписью, фигурка лошади и подвеска в форме птицы с обломаным колечком на спине [13. С. 26–27; Fig. 49 а, в – 52].

8. С бронзовой пряжкой из могилы 31 Барсова Городка найден керамический сосуд [13. С. 34; Fig. 86–87].

9. Бронзовая пряжка из погребения 12 Ликийского могильника найдена вместе с еще одной пряжкой с головой медведя и другими зооморфными изображениями [16. Табл. XIII–10], железными наконечниками стрел, ножом, бронзовым бубенчиком, бусиной и пронизкой [16. С. 143]. Бронзовые пряжки выделяют это погребение, как более богатое воинское, среди остальных погребений этого могильника.

10. Полая бронзовая фигурка зайца происходит из погребения 13 Ликинского могильника [16. Табл. XI–10]. Кроме нее в погребение были положены еще одна зооморфная подвеска (из текста неясно – обе подвески с изображением зайца или одна?) [16. С. 143, 145], 5 бубенчиков, железный наконечник стрелы, бронзовый котелок, две шумящие подвески, бусина, обломок зеркала или бляхи. Южнее могилы найден еще один бубенчик, обломки браслета и какого-то украшения листовидной формы [16. С. 143, 145]. Как видим из описания предметного ряда из могилы, это погребение вряд ли было рядовым.

11. В погребении 72 Сайгатинского могильника найдены керамический сосуд, серьга, описанная пряжка [17. Рис. 48–1, 2, 4]. А.П. Зыков упоминает, что в погребении 72 был и другой инвентарь, но не называет его. Я не нашла полной публикации этого погребения. Но пряжка указывает, скорее всего, на погребение здесь какого-то знатного лица, как и расположенного рядом и частично перекрытого погребением 72, в богатом погребении 73 [17. С. 86].

12. Парабельский памятник благодаря предметам и их ситуационному расположению определяется исследователями по-разному: Парабельское культовое место, Парабельский могильник, Парабельское жертвенное место, святилище [19. С. 23; 20. С. 116; 21. С. 150].

Парабельская коллекция включает предметы вооружения (мечи, кинжалы, наконечники стрел и копий, панцирные пластинки), антропоморфное и зооморфное литье. Среди них находились две фигурки зайцев (одна из них утрачена). Несмотря на то, что памятник датируется самым концом кулайского времени – V в. н.э., – фигурки по стилю исполнения близки к началу раннего Средневековья. «Первоосновой святилища являлось погребение знатного лица, обладавшего особым социальным статусом (богатырь, вождь, шаман)» [21. С. 140]. Затем, в память о нем возникло святилище. Фигурки зайцев были среди находок из святилища, чем определялся их сакральный статус.

Приведенные описания погребений, среди инвентаря которых есть предметы с образом зайца, убеждают нас в том, что эти погребения имели далеко не рядовой характер (кроме погребения из Рёлки). Они, видимо, указывают на лиц, занимающих в реальной и ареальной жизни высокий статус в обществе. Для этих лиц, входивших в элиту среднего уровня, как и для всей элиты, очень важным было сохранить в мире иным свой статус, который имели при жизни, и помогать родственникам, оставшимся в реальной жизни.

Теперь обратимся к данным этнографии и приведем лишь несколько примеров об отношении к зайцам хантов, манси и селькупов.

Н.В. Лукина и О.М. Рындина, рассматривая семантику орнамента восточных хантов, проживающих в бассейне притоков Оби: Васюгана, Ваха, Югана, Агана, Салыма, Пима и Тромъёгана, выделили из сорока пяти названий орнамента 18, как наиболее часто встречающихся, 11 из них отнесли к устойчивым. Это заячьи уши, оленьи рога, березовая ветвь, кедровая стая, сошки тагана, собачья лапа, щучьи зубы, крест,

крест-голова, тучи на небе, зуб белки. Наиболее часто встречается орнамент «заячьи уши» [22. С. 131]. В опубликованных «Альбоме хантийских орнаментов» [23] и источниках по этнографии «Ханты от Васюгана до Заполярья» Н.В. Лукиной проводятся примеры использования орнамента «заячьи уши» как узора на бумаге [23. № 193; 24. № 205], на берестяных коробках [25. Рис. 84], как аппликация из наборных бисерных полос для женских халатов и шуб [23. № 142–146], как меховая мозаика на шубе [24. № 211]. Можно предположить, что украшения на женских халатах и шубах орнаментом «заячьи уши» в прошлом осознавались как связанные с плодородием и охранительными функциями.

Характерные черты традиционного мировоззрения хантов, манси и селькупов сохранились до недавнего времени, а некоторые – до сих пор. В.Н. Чернецов, определяя место в миропонимании угорских народов, писал: «...медведь, лось, заяц, известны нам, как выступающие в качестве тотемных образов фратриальных предков тех или иных народов или племенных общностей. Наиболее широко распространено, почти универсально, представление о медведе как тотемном предке фратрии Пор. Одним из тотемных обликов мифической прародительницы фратрии Мошь, именуемой Совыр-Най, является зайчиха. Этот образ локализуется главным образом среди хантов и северной части манси» [5. С. 209]. Вопрос о фратриальном устройстве очень сложный и окончательно не решен.

Мы знаем о культе медведя, лося, о проведении праздника медведя у хантов (см., напр.: [26, 27]) и лося у хантов и селькупов [28] и почитании зайца.

На жертвенном месте селькупов (бассейн р. Таз, Красноселькупский район ЯНАО) И.В. Беличем найдено кресало, навершие которого выполнено в виде фигурки зайца (по: [29; 30; 31. Фото 347]). Фигурка бронзовая, полая. Туловище овальное, живот подтянут, заканчивается коротким хвостом. Фигурка повернута вправо. Морда зайца широкая, глаза округлены желобком. На шее зайца ожерелье из круглых выпуклин. Уши закинута на спину. Они также украшены четырьмя выпуклинами. Ноздря показана глубокой ямкой. Ноги сведены посередине туловища, показаны пальцы. Художественное исполнение фигурки зайца свидетельствует о подражании ранне-средневековым изображениям. Но данная фигурка выполнена, видимо, позже.

Еще одна фигурка зайца обнаружена в семейном сундучке Пузиных в пос. Ясунт Березовского района ХМАО. Литье двустороннее, на спине короткая втулка для продевания ремешка. Туловище украшено глубокими желобками. Хозяин не сказал о назначении этой фигурки. А.В. Бауло предположил, что фигурка была преподнесена семейному духу [31. С. 201, ил. 6].

Главное женское божество у манси Колташ-эква, у хантов – Анки-пугос. Ее главные функции: даровать детей, помогать при родах, определять жизненный путь человека, продолжительность его жизни, оберегать и излечивать от болезней [32. С. 36]. Одной из ипостасей Колташ-эква был образ зайца/зайчихи. Вероятно, находки бронзовых фигурок зайца можно связать с

функциями главной женской богини. В монографии Н.В. Полосьмак, Е.В. Шумаковой на рис. 22–1 дана пряжка от пояса, на которой наряду с изображением медведя по обе стороны от его туловища-дерева даны фигурки двух зайцев. Не отрицая мнение авторов, ссылающихся на точку зрения В.Н. Чернецова, о том, что изображения медведя, лося, зайца являлись мифическими родовыми предками [32. С. 41], относительно изображения на указанной выше пряжке заметим следующее: как известно, пояс охранял человека от влия-

ния злых духов (от «плохого» в мире). На этой пряжке изображено два животных, связанных с представлениями о даровании жизни и ее защите.

Подводя итог, можно прийти к заключению о том, что заяц, как один из почитаемых животных, связан с культом плодородия, который выражен в художественной металлопластике в разных проявлениях. В миропонимании населения Западной Сибири он проходит через средневековую историю, историю Нового и Новейшего времени.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹Вполне возможно, что автором использованы далеко не все опубликованные изображения зайцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликова О.Б., Плетнёва Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.
2. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург : Внешторгиздательство, 1994. 159 с.
3. Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск : Изд. ОмГПУ; Изд. дом «Наука», 2007. 466 с.
4. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. : Наука, 1987. С. 163–235.
5. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1957. С. 136–245.
6. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 191 с.
7. Отчет АК (?), 1898. Архиерейская заимка. С. 94–98.
8. Альбом рисунков, помещенных в отчетах Императорской Археологической комиссии за 1882–1898 гг. СПб., 1906.
9. Кузнецов С.К. Архиерейская Заимка // Записки Русского археологического общества. СПб., 1899. Т. XI, вып. 1–2, новая серия. С. 316–323.
10. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.
11. Гребнева Г.И. Каталог археологического собрания Томского областного краеведческого музея. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 554 с.
12. Коников Б.А. Тайны древних курганов. Омск : Омск. книжное изд-во, 1990. 143 с.
13. Arne T.I. Barsoff Gorodok. Stokholm, 1935.
14. Арне Т.И. Культура Западной Сибири 1 000 лет назад // Барсова Гора. 110 лет археологических исследований. Сургут : Барсова Гора, 2002. С. 86–96.
15. Каменский С.Ю., Жирных Е.А. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск-Ханты-Мансийск : Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 168–178.
16. Викторова В.Д. Ликийский могильник X–XIII вв. // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1973. Вып. 12. С. 133–168.
17. Зыков А.П. Барсова Гора : очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековое и Новое время. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2012. 232 с.
18. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1953. № 35. С. 242–339.
19. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 254 с.
20. Барсуков Е.В. К истории трактовки парабельского памятника из наследия Р.А. Ураева // Археолого-этнографические исследования в южно-таежной зоне Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 113–116.
21. Мец Ф.И. О возможной сакральной первооснове возникновения Парабельского святилища // След на песке. Материалы и исследования по археологии. Томск; Северск : Дельтаплан, 2010. С. 140–154.
22. Лукина Н.В., Рындина О.М. О семантике орнамента восточных хантов // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 129–142.
23. Лукина Н.В. Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. 239 с.
24. Лукина Н.В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Т. 5. Конда. Тромъёган. Лямин. Казым. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2010. 400 с.
25. Лукина Н.В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Т. 6. Нижняя Обь. Сыня. Собь. Полярный Урал. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. 292 с.
26. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 225 с.
27. Tschernetzov V.N. Bärenfest bei den Ob-Ugriern // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 23 (3–4). Budapest. S. 285–319.
28. Ким А.А., Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А. Селькупский праздник в Пиль-Эд и культ лося // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 205–213.
29. Белич И.В. Предметы из культового комплекса тазовских селькупов Кассыль-по в коллекциях Тобольского музея-заповедника // Самодийцы : материалы IV Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск : Омск. гос. пед. ун-т, 2001. С. 184–189.
30. Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 260 с.
31. Бауло А.В. Средневековые артефакты из этнографических комплексов и случайных сборов // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск : Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 95–109.
32. Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск : Наука. Сиб. отд., 1991. 92 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2020 г.

The Image of the Hare in the Worldviews of the Peoples Inhabiting the Irtysh and the Ob Regions in the 1st and 2nd Millennium AD

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 133–140.

DOI: 10.17223/15617793/465/18

Lyudmila M. Pletneva, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk Russian Federation). E-mail: pletnva@bk.ru

Keywords: archeology; repoussé; graves; shrines; treasures.

The worldviews of the peoples inhabiting Western Siberia developed in close connection with the outside world. Every human life depended on the natural environment. The world outlook reflected in material objects that people used in rituals, or as amulets and talismans. Such animals as the bear, the elk and the beaver were especially worshipped in the taiga zone. Images of the hare are much less frequent. The aim of this study is to review the published literature in order to identify images of hares in repoussé works of art coming from the area under study, to analyze the composition of goods from graves and treasures, in which images of hares have been found, and to explain their purpose. A total of 16 images have been analyzed. These are either individual figures of hares, or pendants and buckles on which hares are depicted together with other animals (bear, elk, owl, bull). Heads of these animals or a bear head with front legs in a sacrificial posture were depicted. The article describes these artifacts and highlights distinctive features of their decoration. Such techniques as pearl edging; twisted rope; pearls, squares, and rectangles located in grooves and various recesses were common in the Early Middle Ages. This style in a modified form still existed at the beginning of the second millennium, but artists rarely used it. Hares are found in different poses: sitting, running, crouching, stretched, hanging. They are depicted both on locally produced and imported (e.g., a silver bronze bowl) items. Most of the items with images of hares come from graves. The analysis of the grave goods showed that most of them contained military items (Arkhiereyskaya Zaimka, graves from the Likinsky, Kip III and Ivanov Mys I burial grounds). The hare was associated with the cult of fertility. In warriors' graves, hares were likely to serve as a guarantor of a warrior's life and, therefore, his procreation. Figures of hares in shrines and treasures are also associated with the preservation and prosperous life of the community to which these items belonged. The significance of the hare is evidenced by the ethnography of the Khanty and Mansi. They still keep medieval items with images of the hare. It is particularly noteworthy that the image of the hare represents a hypostasis of the female deity. "Hare ears", one of the most common ornaments in the Khanty culture, are likely to be associated with the symbol of fertility.

REFERENCES

1. Belikova, O.B. & Pletneva, L.M. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e.* [Monuments of the Tomsk Ob Region in the 5th–8th Centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Zykov, A.P., Koksharov, S.F., Terekhova, L.M. & Fedorova, N.V. (1994) *Ugorskoye nasledie. Drevnosti Zapadnoy Sibiri iz sobraniy Uralskogo universiteta* [Ugric Heritage. Antiquities of Western Siberia from the Collections of the Ural University]. Yekaterinburg: Vneshtorgizdatelstvo.
3. Konikov, B.A. (2007) *Omskoe Priirtyshye v rannem i razvito srednevekov'e* [The Omsk Irtysh Region in the Early and High Middle Ages]. Omsk: Omsk State Pedagogical University; Nauka Publishing House.
4. Mogilnikov, V.A. (1987) *Ugry i samodiysy Urala i Zapadnoy Sibiri* [Ugrians and Samoyeds of the Urals and Western Siberia]. In: *Finno ugry i balty v epokhu srednevekov'ya* [The Finno Ugrians and Balts in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 163–235.
5. Chernetsov, V.N. (1957) *Nizhnee Priob'ye v I tys. n.e.* [The Lower Ob Region in the 1st Millennium AD]. In: *Kul'tura drevnikh plemen Priural'ya i Zapadnoy Sibiri* [Culture of the Ancient Tribes of the Urals and Western Siberia]. Moscow: USSR AS. pp. 136–245.
6. Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik Ryolka na Sredney Obi* [The Relka Burial Mound in the Middle Ob Region]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Imperial Archaeological Commission. (1898) *Otchet AK(?), 1898, Arkhiereyskaya zaimka* [Report AK (?), 1898, Arkhiereyskaya Zaimka]. pp. 94–98.
8. Imperial Archaeological Commission. (1906) *Al'bom risunkov, pomeshchennykh v otchyotakh Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1882–1898 gg.* [Album of Drawings from Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1882–1898]. St. Petersburg: 1906.
9. Kuznetsov, S.K. (1899) [Arkhiereyskaya zaimka]. In: *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Russian Archaeological Society]. Vol. XI. Issue 1–2. St. Petersburg. pp. 316–323.
10. Chindina, L.A. (1991) *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (relkinskaya kul'tura)* [History of the Middle Ob Region in the Early Middle Ages (Relkin Culture)]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Grebneva, G.I. (2017) *Katalog arkheologicheskogo sobraniya Tomskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya* [Catalog of the Archaeological Collection of the Tomsk Regional Museum]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Konikov, B.A. (1990) *Tayny drevnikh kurganov* [Secrets of the Ancient Mounds]. Omsk: Omsk. knizhnoe izd-vo.
13. Arne, T.I. (1935) *Barsoff Gorodok*. Stokholm.
14. Arne, T.I. (2002) *Kul'tura Zapadnoy Sibiri 1000 let nazad* [Culture of Western Siberia One Thousand Years Ago]. In: *Barsova Gora. 110 let arkheologicheskikh issledovaniy* [Barsova Mountain. 110 Years of Archaeological Studies]. Surgut: Barsova Gora. pp. 86–96.
15. Kamenskiy, S.Yu & Zhirnykh, E.A. (2006) *Raskopki gorodishcha Evra 25 i razvedka v Kondinskom rayone Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga* [Excavations of Evra 25 Hill Fort and Reconnaissance in the Kondinsky District of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. In: *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the Mirror of the Past]. Vol. 3. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University. pp. 168–178.
16. Viktorova, V.D. (1973) *Likinskiy mogil'nik X–XIII vv.* [Likinsky Burial Ground of the 10–13th Centuries]. In: *Voprosy arkheologii Urala* [Issues of Archeology of the Urals]. Vol. 12. Yekaterinburg. pp. 133–168.
17. Zykov, A.P. (2012) *Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Srednevekovoye i novoye vremya* [Barsova Gora: Essays on the Archaeology of the Surgut Ob. Medieval and Modern Times]. Yekaterinburg: Uralskiy rabochiy.
18. Talitskaya, I.A. (1953) *Materialy k arkheologicheskoy karte Nizhnego i Srednego Priob'ya* [Materials for the Archaeological Map of the Lower and Middle Ob Region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 35. pp. 242–339.
19. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza* [The Ancient History of the Middle Ob Region in the Iron Age]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Barsukov, E.V. (2003) *K istorii traktovki parabel'skogo pamyatnika iz naslediya R.A. Urayeva* [The History of the Interpretation of the Parabel Monument from the Heritage of R.A. Uraev]. In: *Arkheologo-etnograficheskiye issledovaniya v yuzhno-tayezhnoy zone Zapadnoy Sibiri* [Archaeological and Ethnographic Studies in the South Taiga Zone of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 113–116.
21. Mets, F.I. (2010) *O vozmozhnoy sakral'noy pervoosnove vozniknoveniya Parabel'skogo svyatilishcha* [A Possible Sacral Basis of the Parabel Sanctuary]. In: *Sled na peske. Materialy i issledovaniya po arkheologii* [Footprint in the Sand. Materials and Research on Archeology]. Tomsk; Seversk: Deltaplan. pp. 140–154.
22. Lukina, N.V. & Ryndina, O.M. (1983) *O semantike ornamenta vostochnykh khantov* [The Semantics of Ornaments of the Eastern Khanty]. In: *Etnokul'turnyye protsessy v Zapadnoy Sibiri* [Ethnocultural Processes in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 129–142.
23. Lukina, N.V. (1979) *Al'bom khantyyskikh ornamentov (vostochnaya grupa)* [Album of Khanty Ornaments (Eastern Group)]. Tomsk: Tomsk State University.
24. Lukina, N.V. (2010) *Khanty ot Vasyugan'ya do Zapolyar'ya. Istochniki po etnografii* [The Khanty from the Vasyugan Land to the Arctic Circle. Sources of Ethnography] Vol. 6. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
25. Lukina, N.V. (2012) *Khanty ot Vasyugan'ya do Zapolyar'ya. Istochniki po etnografii* [The Khanty from the Vasyugan Land to the Arctic Circle. Sources of Ethnography] Vol. 5. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

26. Kulemzin, V.M., Lukina, N.V. (1977) *Vasyugansko-vakhovskiy khanty* [The Vasyugan and Vakhov Khanty] Tomsk: Tomsk State University.
27. Tschernetzov, V.N. (1974) Bärenfest bei den Ob-Ugriern. *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 23 (3–4). pp. 285–319.
28. Kim, A.A., Kudryashova, T.K. & Kudryashova, D.A. (1996) Sel'kupskiy prazdnik v Pil'-Ed i kul't losya [A Selkup Holiday in Pil-Ed and the Cult of the Elk]. In: *Materialy i issledovaniya kul'turno-istoricheskikh problem narodov Sibiri* [Materials and Studies of Cultural and Historical Problems of the Peoples of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 205–213.
29. Belich, I.V. (2001) Predmety iz kul'tovogo kompleksa tazovskikh sel'kupov Kassyl'-po v kollektsiyakh Tobol'skogo muzeya-zapovednika [Items from the Kassyl-po Cult Complex of the Taz Selkups in the Collections of the Tobolsk Museum-Reserve]. In: *Samodiytsy. Materialy IV Sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoye nasledie narodov Zapadnoy Sibiri"* [Samodians. Materials of the Fourth Siberian Symposium "Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia"]. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 184–189.
30. Baulo, A.V. (2011) *Drevnyaya bronza iz etnograficheskikh kompleksov i sluchaynykh sborov* [Ancient Bronze from Ethnographic Complexes and Random Collections]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography.
31. Baulo, A.V. (2008) Srednevekovyye artefakty iz etnograficheskikh kompleksov i sluchaynykh sborov [Medieval Artifacts from Ethnographic Complexes and Random Collections]. In: *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the Mirror of the Past]. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University. pp. 95–109.
32. Polosmak, N.V. & Shumakova, E.V. (1991) *Ocherki semantiki kulayskogo iskusstva* [Essays on the Semantics of the Kulay Art]. Novosibirsk: Nauka.

Received: 26 March 2020